

Неуловимое будущее

Почему жители России не имеют представлений о том, что впереди, и даже отказываются об этом думать

Фото: Сергей Бобылев / Коммерсантъ

09:00, 19 августа 2025,

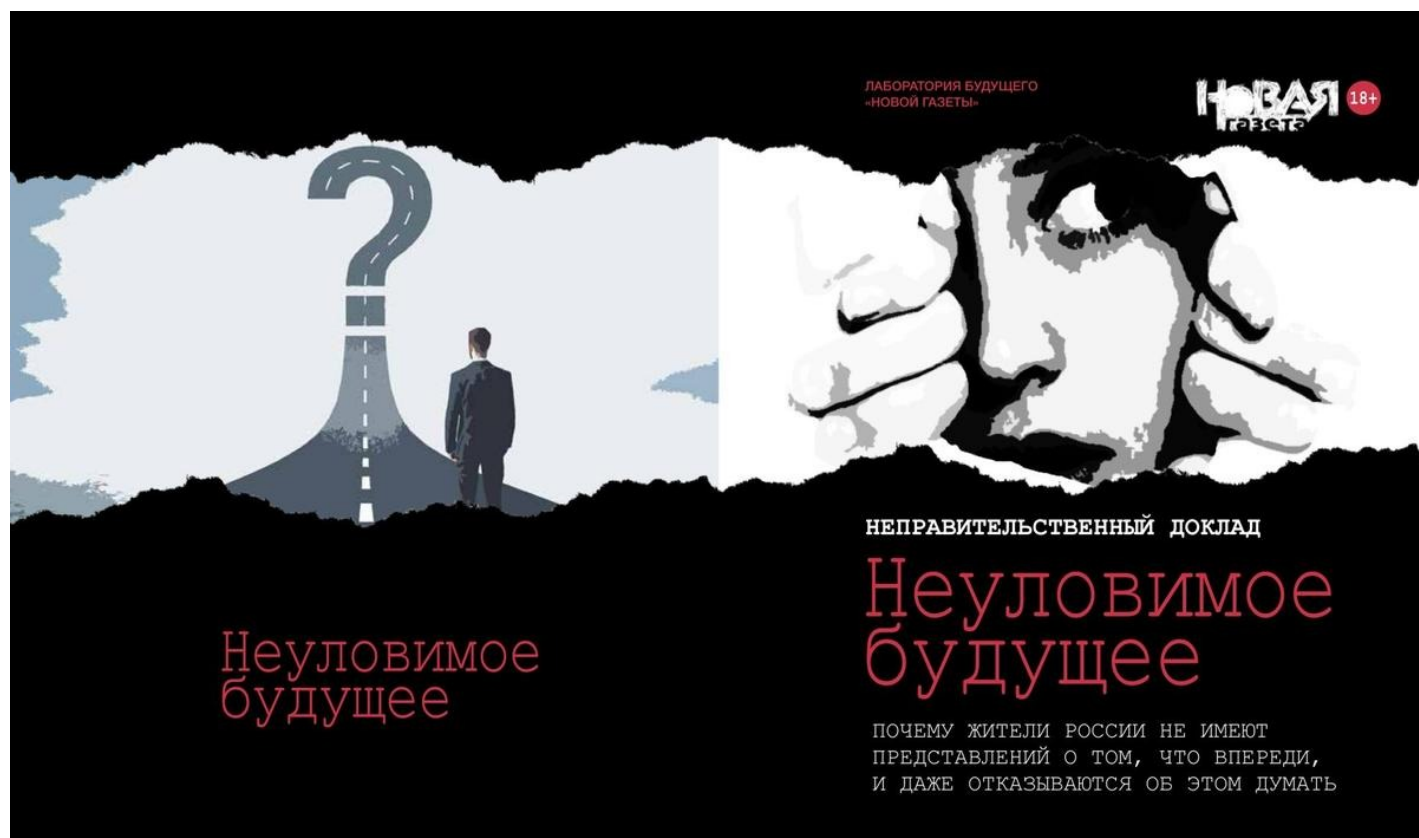
Елена Панфилова

обозреватель «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

НЕУЛОВИМОЕ БУДУЩЕЕ. ВВЕДЕНИЕ И ЧАСТЬ 1

Практически каждый раз, когда мы приступали к тому или иному исследованию Лаборатории будущего «Новой газеты», сразу, даже перед тем, как мы успевали объяснить участникам, что это за исследование и для чего оно нужно, мы слышали вопрос: «Лаборатория чего? Будущего?..» Сразу за этим вопросом следовала улыбка, снисходительная и немного саркастическая. Порой кто-то уточнял: «Того будущего, которого нет?» На этом месте все как будто понимающе пожимали плечами, переглядывались и вроде как сходились во мнении, что чего только в жизни не бывает.

Стоит заметить, что недоумение по части необходимости заглядывать в будущее и пытаться понять, что к нему ведет, высказывали как те, кто активно и даже яростно поддерживает

избранный руководством России курс во внутренней и внешней политике, так и те, кто категорически не согласен с ним, а также те, кто просто живет жизнь и никакими курсами принципиально не интересуется.

Поначалу это казалось эдакой особенностью момента, чем-то поверхностным и не сильно важным. Но для очистки совести мы стали чаще и чаще спрашивать людей о том, насколько им в принципе комфортно говорить о будущем. Тут-то и выяснилось, что с представлениями о возможности будущего существуют серьезные проблемы.

Именно так:

на наши настойчивые вопросы о том, как они представляют себе свою личную жизнь через пять-десять-пятнадцать лет, наши собеседники, пусть и с трудом, пусть и после бесконечных подбадриваний и прочих методических ухищрений, все же отвечали, а вот любые попытки с предложениями подумать, пофантазировать о будущем в свободной форме раз за разом проваливались. Регулярно звучала фраза «как будто там черная дыра».

Параллельно мы говорили о том же с коллегами и знакомыми, экспертами и друзьями и обнаруживали приблизительно ту же картину: аналитически, сценарно обрисовать то, что может ждать нас, страну и мир впереди, от случая к случаю получалось, но в преддверии и в конце каждого разговора возникало личное предупреждение о том, насколько труден такой разговор в сегодняшних обстоятельствах.

Потом мы получили письмо от одной из наших читательниц, которая написала, что ей кажется, что с ней что-то не так, что она совершенно не чувствует в себе ни эмоциональных, ни ментальных сил думать о том, что будет в будущем и будет ли будущее в принципе. А потом еще одно такое же письмо. И еще. Стало понятно, что мы оказались в ситуации, когда мы и должны продолжать разговор о будущем, но и вместе с тем просто обязаны уделить внимание феномену «невозможности будущего», тому ощущению, которое возникло у множества россиян, людей, живущих рядом с нами, людей, от которых, собственно, и зависит то, каким будет это будущее, да и непосредственно путь к нему.

Мы решили посмотреть на эту проблему со всех возможных сторон, дать слово тем, кто в нее вглядывается профессионально и кто ощущает ее непосредственно внутри себя. А также тем, кто, кажется, нащупал способы жить с этим ощущением, жить и двигаться дальше, к тем, кто не боится описывать трудные, сложные, порой безнадежные чувства и мысли о будущем и его ускользающем образе.

Спойлер: если вам кажется, что будущее невозможно, проблема вовсе не в вас. Просто такие времена.

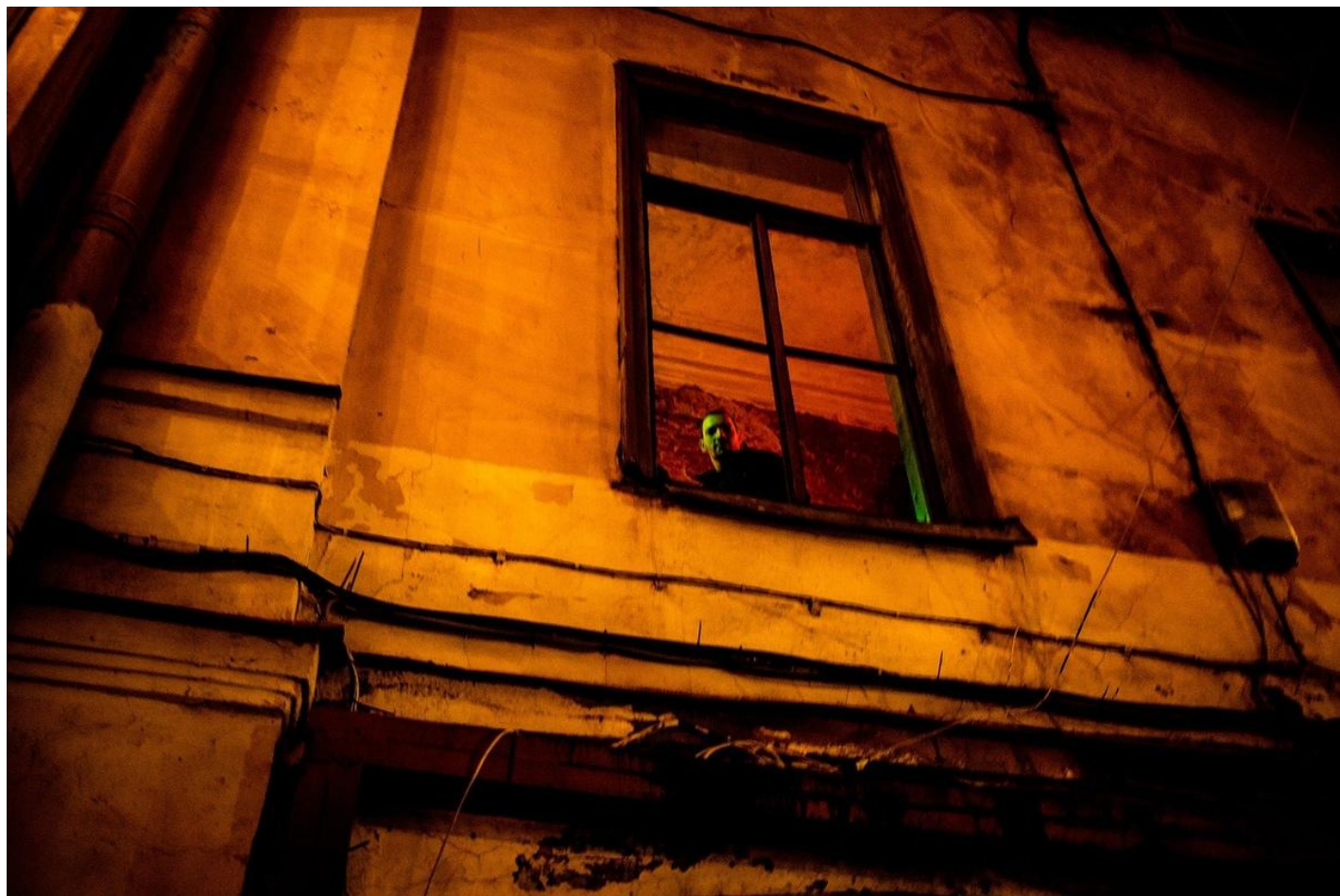

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

1. Установка: «Не думать о будущем»

Когда-нибудь, лет через десять или двадцать, ученые и исследователи разными хитроумными методами смогут, наверное, разобраться с тем, что именно случилось с представлениями россиян о себе и своем будущем ранним утром двадцать четвертого февраля двадцать второго года. То, что оно точно случилось, даже самые отъявленные оптимисты и железобетонные охранители отрицать вряд ли будут.

Страна сначала замерла, а потом разнонаправленными потоками растеклась кто куда. Кто-то стремительно рванул в сторону дальних границ, кто-то начал медленно ползти в сторону ближних, кто-то кинулся кричать «ура» и шагать в ногу, кто-то приготовился плести маскировочные сети, а кто-то зажмурил глаза, крепко задраил люки и приступил к ожиданию, что там дальше будет.

А дальше у всех все было совершенно непонятно, и эта непонятность была абсолютно объяснима.

Когда группа людей, состоящих при власти, в одно мгновение перечеркивает напрочь твои вчерашние личные жизненные планы, трудно сохранить веру в то, что ты можешь хоть что-то спрогнозировать на завтра. Как на личное и бытовое завтра, так и на длительное и общее.

Невозможно было не заметить, как параллельно с этим официальные новости, да и вообще все официальное старательно строили свою повестку так, чтобы законсервировать внимание, а значит, и мысли людей в текущем моменте, в том, что можно считать настоящим, но не далее. Все крутилось вокруг как специальной военной операции, так и всего ей сопутствующего (плюс много-много-много древней истории), и не наблюдалось, да и не наблюдается никаких даже малейших попыток хотя бы заикнуться о том, а что, собственно, будет после того, как закончатся военные действия, как и чем страна и люди в ней будут жить дальше. Максимум говорилось о том, что все будет не хуже, чем раньше, будем развиваться куда и до этого развивались, надо лишь вот сквозь санкции пробиться да всякие требования военного момента преодолеть. Никакого образа будущего за пределами предложенных обстоятельств, где во главе угла стоит решение внешнеполитических задач, не предлагалось и не просматривалось. Ни сразу, ни через год, ни через два.

А на третьем году стало понятно, что в общественном представлении сложилось как бы три варианта будущего.

- Первый вариант — исключительно личный, связанный с

семьей и бытом, теми обычными действиями и потребностями, которые существуют в режиме день за днем, где максимальное удаление находится в радиусе понятных, ясных ориентиров: выплата ипотеки, поступление детей, пенсия.

- Второй — коллективный, привязанный к главной теме текущих дней, где все измеряется сроками до прекращения огня, затем перемирия, а потом, возможно, мира.
- И третий — тоже коллективный, слегка опрокинутый в прошлое, но шершавым языком официоза расписывающий будущее так, как будто оно остановилось зимой двадцать второго, потопталось на месте, прилаживаясь к обстоятельствам, и дальше само собой пошло строить новые квадратные метры жилья, повышать надои, мостить дороги и выполнять прочие параметры, заложенные в давно подзабытых майских президентских указах: живем как жили, не стоит отвлекаться и заморачиваться.

Хитрые опросы фиксируют интересный разброс представлений о будущем, неопределенность которых пусть и пытаются слегка замаскировать, но которая все равно отчетливо проявляется.

Вот в январе 2025 года нам сообщают, что когда люди слышат слово «будущее», они действительно в большинстве своем думают именно о том, что ждет их лично или их близких (39%), об изменениях в жизни страны думает 21%, а о чем-то совсем фантастическом — 6%. Две же равные доли респондентов в 17% заявили, что они либо вообще затрудняются ответить на такой вроде бы простой вопрос, либо сказали, что они это будущее просто не могут себе представить, настолько оно кажется далеким и непонятным.

Если их объединить вместе, поскольку они ведь на самом деле об одном и том же, то вариант о непредставимости, неувовимости будущего выйдет почти вровень с самым популярным вариантом о личном будущем. Выходит, что

очевидным образом спектр представлений о будущем раскладывается на два весомых большинства: «кокон личного» и «черная дыра», и на значительно меньшую группу тех, кто видит некую большую картину.

Это все тем более интересно, что все остальные опросы показывают, что в целом и общем россияне как будто не испытывают никаких особо тяжелых чувств в отношении своего будущего: на вполне сносных, пусть и не самых высоких уровнях держатся показатели того, насколько они уверены в своем завтрашнем дне, и того, кажется ли им жизнь в этом предстоящем дне более симпатичной, а также прочие показатели усредненного социального спокойствия.

Тем удивительнее тот факт, что, когда углубляешься в детали, когда переходишь к личным разговорам, эта благостная картинка распадается, подергивается рябью тревоги, и выясняется, что да, там, где про что-то личное или семейное, то оно еще более ли менее сносно и предсказуемо, да и то не у всех. Просишь это «сносно» нарисовать, и оно у двух из трех человек отчетливо прорисовывается незамысловатым рисунком, как будто из детских воспоминаний: домик с треугольной крышей, солнышко, облачка, дерево, штакетник, пара-тройка человечков, плюс иногда собака. Или кошка.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Задаешь вопрос: «А как же страна? А что в стране? В мире?» — и нет ответа: ни словами, ни рисунком. Лишь кто-то нарисует контуры страны без чего-либо явного внутри: кто-то танк, кто-то самолетик, улетающий на Запад, а кто-то ядерный взрыв. Определенная неопределенность.

Задаешь вопрос, отчего оно так, почему не угадывается что-то вне пределов личного домика, личного заборчика, и наиболее частым ответом слышишь, что как тут что-то загадаешь, когда ничего не понятно. Уточнишь, что как же, вот рапортует же нам руководство, что все под контролем и что все движется в нужном направлении, на что все послушно покивают, но на том и свернут тему. Обожглись уже.

Говоря о любых темах, касающихся будущего, крайне сложно отделить себя как наблюдателя и исследователя от себя же как тоже обычной россиянки, живущей здесь и сейчас, и тоже кое-как протиснувшейся под той утренней упавшей плитой.

Личный опыт проживания моментальной утери того, ради чего стоит двигаться вперед, расцвечивает изучаемый опыт других людей бесконечным количеством оттенков узнавания.

На этом узнавании порой удастся установить вроде бы иначе немислимый контакт даже с теми, кто вполне доволен тем, что российские войска километр за километром занимают территорию соседней страны.

Моим самым острым личным воспоминанием февраля двадцать второго года был короткий страшный утренний разговор со взрослым сыном, когда я «порадовалась», что мои родители не дожили до этого дня, а в ответ услышала, что не менее «радостно» то, что у меня не случилось обрести в этот безумный мир внуков, да и вряд ли теперь случится.

Как-то довелось упомянуть об этом, как будто к слову, в случайной разношерстной компании, возникшей на почве помощи бездомным животным. Одна из тамошних знакомых, которая в свободное время собирает посылки на фронт и всякими прочими способами являет деятельную поддержку генеральной линии, моментально отозвалась: так и я рада, что мои не дожили, не перенесли бы они этого. Другая же, со сходными взглядами, добавила: и мне мои дети сказали, что с детишками торопиться пока не будут, мало ли что. Не могла не воспользоваться возможностью и спросила: так а что же тогда дальше? Получив в ответ: «Бог даст, разберемся». Бог. Или президент?

Выходит, что настоящее, этот наш текущий момент, в котором мы все сегодня перетекаем изо дня в день с разной степенью осмысленности, как будто и является для многих, если не для большинства, сконцентрированным в моменте вариантом

будущего. В котором мы что-то делаем, что-то говорим, что-то даже планируем, но за пределы этой капсулы понятного и предсказуемого наше представление о будущем не выходит. Потому что там, за пределами этого понятного сегодня, лежит что-то, что мы совершенно не в состоянии себе представить, исходя из того опыта, которым мы теперь обзавелись, и из тех вводных, которыми нас снабжает окружающий мир.

А мир этот на практически ежедневной основе не устает забрасывать нас всех совершенным безумием, где привычное становится запретным, где то, что испокон веков было справа, перетекает влево и там с ним объединяется, где ценности, которыми ты привыкла руководствоваться в жизни, подвергаются публичному осмеянию и отвержению, где прошлое становится основанием для цензурирования настоящего и отмены будущего.

Поверх же всего этого почти официально сообщается, что

отныне хаос — наша стратегия, а страх — наше оружие. И с ними наперевес мы будем менять окружающий мир под некую идею, которая еще не вполне додумана, но представляется достаточно увлекательной, чтобы во имя нее гнуть судьбы миллионов.

Вполне допустимо предположить, что в мире, которым правят хаос и страх и который их наделенные властью адепты намерены перекраивать согласно собственным представлениям о «прекрасном», будущее может действительно истончаться, может перестать быть чем-то, что возможно осознать и описать сколь-нибудь привычным набором слов и понятий.

Или ровно наоборот, когда люди, то ли расслабившись, то ли устав, то ли понадеявшись на лучшее или еще по какому-то недомыслию, добровольно позволяют тем, кто у власти, забрать себе все возможные полномочия и ресурсы для определения того, как им жить сегодня и куда им двигаться дальше (да и как понимать, трактовать прошлое тоже), они автоматически теряют ощущение, образ будущего за пределами того, что они могут хоть сколько-то контролировать лично.

И тогда, чтобы сохранить столь приятный для них расклад, сильные мира сего вместо заветной дверцы в светлый завтрашний день или вместо хотя бы ее симулякра, нарисованного на холстине, где обычно красуются возвышенные идеи и планы, вполне осознанно малюют на месте образа будущего черную воронку неопределенности, тем самым явно или исподволь давая установку не заглядывать слишком далеко вперед, ограничиваться лишь тем, что доступно здесь и сейчас.

Потому что если будущее не представимо, никому и в голову не придет попытаться его построить. Или побороться за него.

ДОКЛАД ЦЕЛИКОМ

Большое экспертное исследование Лаборатории будущего «Новой газеты» можно купить [в телеграм-магазине «Для дорогих людей»](#), мы выпустили доклад отдельной брошюрой.

Об авторе

Обозреватель «Новой газеты», историк и политолог, эксперт по вопросам противодействия коррупции.

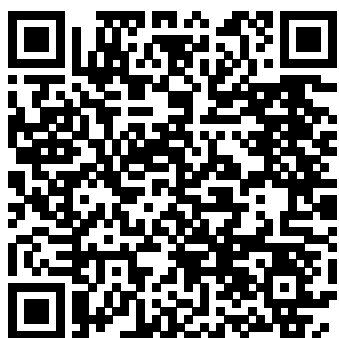
ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Футуро-йок](#)

Образ будущего — идея нового застоя, с твердой рукой, но и с потребительскими благами, сформировался на входе в XXI век

12:01, 19 августа 2025, Андрей Колесников*

[«А тьма упорствует. Стоит и питается сама собою»](#)

Власть и элиты прекрасно понимают, что из молодежи вырастет иное будущее, чем насаждают и тщательно выращивают они

12:01, 19 августа 2025,